

Глава 3. Фруктовый напиток (Часть 1)

—

Лунный свет проникал в комнату сквозь бумагу на окнах, мягко ложась на постель. Веки Цзи Жунся слегка дрогнули, и он резко открыл глаза. По привычке повернув голову в сторону, он увидел красивый и безмятежный профиль спящего Гу Танцзиня.

На душе тут же стало спокойно. Он и сам не понимал, с чего вдруг ему привиделся такой диковинный сон. Все, что произошло в этом сновидении, он сейчас помнил в мельчайших подробностях — даже слова того маленького призрака до сих пор отчетливо звучали в памяти. Раньше-то после пробуждения в голове все путалось и туманилось, никогда еще сны не были такими ясными.

Цзи Жунся протянул руку, желая потереть затылок, но едва он шевельнул пальцами, как наткнулся на что-то прохладное и гладкое.

Шурх-шурх.

Странный, едва слышный шелест заставил руку Цзи Жунся замереть на месте.

Он в растерянности повернулся и посмотрел на то, что лежало у него под боком. Тот самый приснившийся огромный сверток с диковинными яркими леденцами мирно покоился прямо на постели.

В лунном свете разноцветная фруктовая карамель внутри прозрачной обертки казалась еще более яркой и праздничной, но сердце Цзи Жунся от этой картины бешено заколотилось.

Значит, только что...

Это был не сон?!

Все случилось взаправду?!

— Что случилось? — раздался рядом обеспокоенный голос Гу Танцзиня. Проснувшись от тихого шуршания, он спросил об этом еще не успевшим рассеяться ото сна, слегка хриплым голосом.

Цзи Жунся рывком сел, осторожно подхватил кулек со сладостями и ошарашенно опустил его прямо посреди постели, между собой и мужем.

Гу Танцзинь, который лежал вполоборота и с тревогой всматривался в лицо фулана, замер:

— ???

— Это еще что? — недоуменно спросил он.

— Я... я... — Цзи Жунся замялся, совершенно не зная, как подступиться к объяснениям.

Но стоило ему попытаться произнести «Система Бога Кулинарии», как слова застряли в горле — он физически не смог вытолкнуть их наружу.

Он то открывал, то закрывал рот, внезапно осознав, что какая-то неведомая сила сковала его язык, не позволяя высказать то, что было на уме.

Тут уж Цзи Жунся не на шутку испугался. Он крепко зажал рот ладонью и в панике затряс головой.

— Не бойся, тише, говори не торопясь, — Гу Танцзинь не понимал, что происходит, поэтому лишь мягко поглаживал его по спине, успокаивая: — Тебе дурной сон приснился?

Эти слова натолкнули Цзи Жунся на мысль. Его глаза блеснули, и он осторожно, пробуя слова на вкус, произнес:

— Да! Именно, мне приснился сон!

О чудо! Эту фразу он смог выговорить без труда!!!

Цзи Жунся сразу все понял: он не мог самолично заводить речь о той чудной системе, но это вовсе не означало, что ему вообще запрещено говорить.

Он облизал пересохшие губы и, собираясь с мыслями, принялся рассказывать:

— Мне приснился сон, будто сам Бог Очага подослал ко мне мелкого духа, чтобы тот обучил меня кулинарному мастерству. И шум в ушах у меня стоял все это время оттого, что этот дух ко мне привязался. Он сказал, что это его извинения — какие-то фруктовые леденцы ручной работы. Сам он больно суетливый, все гнал меня за работу, заставлял во сне учиться готовить. Мне это не по нраву пришлось, я во сне его прогнал да и проснулся.

— Я думал, все это небылицы, а оно вон как обернулось — наяву лежит. Не нравится мне эта нечисть, да только, видать, удержать меня он не в силах. Сплю я или бодрствую — он надо мной не властен и вреда причинить не может.

Каким бы пронизательным и острым умом ни обладал Гу Танцзинь, от этих путаных и бессвязных речей он тоже на мгновение лишился дара речи.

— Давай поступим так: я буду спрашивать, а ты отвечай. Если «да» — кивай, если «нет» — качай головой, — Гу Танцзинь взял Цзи Жунся за руку, пытаясь привести в порядок мысли.

— Хорошо! — поспешно закивал тот.

Гу Танцзинь:

— К тебе явилось некое существо, но ты не можешь произнести его имя?

Цзи Жунся преданно закивал.

Гу Танцзинь:

— Сплю я чутко, если бы ты встал с постели, я бы точно почувствовал. Но ты лежал неподвижно. Значит, этого духа ты видел именно во сне?

Цзи Жунся засомневался: он и не кивнул, и головой не покачал.

Заметив это, Гу Танцзинь на мгновение задумался и произнес:

— То место казалось слишком осязаемым, и ты сейчас сам не понимаешь, явь то была или сон.

Цзи Жунся закивал изо всех сил: «Да! Именно это я и хотел сказать!»

Гу Танцзинь:

— Посланник Бога Очага... Будь это обычная вещь, тебе незачем было бы поминать самого Бога Очага. Бог Очага, божество, дух... Тот мелкий дух утверждал, что сотворен высшими силами?

Рот Цзи Жунся слегка приоткрылся от изумления. От избытка чувств он крепко перехватил длинные пальцы мужа.

«Да-да-да-да! Все именно так!» — даже без кивков Цзи Жунся Гу Танцзинь понял, что попал в точку.

— Ты сумел выбраться, но не знаешь, убрался ли этот дух восояси? — спросил Гу Танцзинь.

Цзи Жунся тут же закивал — откуда же ему знать, он просто пожелал уйти и очнулся.

Гу Танцзинь:

— А сейчас ты слышишь тот назойливый гул?

Услышав вопрос, Цзи Жунся и впрямь замер, прислушиваясь к ощущениям. В ушах стояла полнейшая, благословенная тишина.

Он покачал головой — ни звука, ни малейшего треска больше не было.

Значит, во всем и впрямь виновата та кулинарная диковина!

— Похоже, в этом деле существо тебе не солгало, — задумчиво произнес Гу Танцзинь. — Оно поднесло тебе дары в знак извинения. Ся-гэр, ты у меня человек рассудительный и отходчивый, и даже если бы оно понукало тебя учиться готовить, ты не стал бы так сердиться без причины. Должно быть, эта штуковина, бахвалясь своим божественным происхождением, держалась высокомерно и ни в грош тебя не ставила?

Цзи Жунся, услышав, как муж хвалит его за рассудительность, сначала невольно улыбнулся, а затем со всей силы закивал. Да, именно из-за этого! С какой стати ему зависеть от этой штуковины? Мучила его шумом полгода, а взамен кулек конфет сунула, и хоть бы слово искреннего раскаяния вымолвила! Как тут не рассердиться?

— Ты вспылел, и тогда это существо сразу переменяло тон? — Гу Танцзинь успокаивающе потирал большим пальцем ложбинку на ладони мужа.

— Да! Сначала так, а потом эдак! — поспешно подтвердил Цзи Жунся.

— Сначала спесиво, после — угодливо, — с улыбкой подытожил Гу Танцзинь. — Теперь мне все ясно. Эта штуковина, похоже, сама от тебя зависит и в чем-то нуждается. И слова о том, что она желает обучить тебя, скорее всего, чистая правда.

— Зависит от меня? И чего же ей от меня надо? А, вспомнил! Она, кажись, явилась в наши края ради того, чтобы сделать из меня повара, у которого кулинарное мастерство будет ну самое-самое лучшее в поднебесной, — Цзи Жунся хотел было сказать «Бог Кулинарии», но язык снова онемел, отчего он слегка приуныл.

— И за работу она тебя гнала ради этого? — с пониманием спросил Гу Танцзинь.

— Да! Ой, чуть не забыл сказать: она обмолвилась, будто может открывать это место всего на полчаса в день, мол, сил у нее нет. А еще за труды обещала давать всякие вещи, ну вроде вот этого свертка сладостей. Я расспрашивать подробно не стал, сразу ушел.

Цзи Жунся подумал, что, возможно, стоило сначала все выведать, а уже потом хлопать дверью.

— Именно в этом и кроется ее интерес. Рискну предположить, что только помогая тебе, она сможет вернуть свои силы или добиться иной цели, — Гу Танцзинь не знал, добром или злом является эта сущность, но, видя, что вреда Ся-гэру она нанести не может, окончательно успокоился.

— Угу. Если так посудить, то понятно, отчего она так перепугалась, стоило мне засобираться прочь. Будто у нее жизнь отнимали, — Цзи Жунся поджал губы и с горящими глазами уставился на карамель: — А мы можем попробовать хоть одну? Гляди, какие они красивые.

— Хоть вреда она тебе не причинила, но неведомые вещи в рот тянуть опрометчиво. Хм, давай поступим так: завтра тетушка Чжоу доставит нам заказанных кур, вот на них сперва и проверим, можно ли эту сладость есть.

— Ну уж нет, если там яд, мы целую курицу загубим! Тетушка Чжоу всегда привозит отборных, справных петухов, мне каждую птицу жалко. Лучше завтра у рыбака Вана купим мелких рыбешек для пробы, — покачал головой Цзи Жунся.

— Хорошо, давай так и сделаем.

Цзи Жунся легонько покачал руку Гу Танцзиня:

— А тебе совсем не боязно?

— Чего же мне бояться? — Гу Танцзинь посмотрел на него против лунного света, и в этом бледном сиянии его благородное лицо казалось немного призрачным.

Цзи Жунся захлопал ресницами:

— Ну как чего — меня! К ко мне привязалась какая-то нечисть, и бог весть, когда это закончится. Жуть же берет.

— Если бы я оставался в неведении, то, конечно, извелся бы от тревоги. Но ты сам все мне рассказал, с какой стати мне тебя бояться? — произнося это, Гу Танцзинь невольно опустил взгляд на свою хроющую левую ногу. Ся-гэр открыл ему всю душу, и он на мгновение заколебался — не пришло ли время рассказать тому правду о своем недуге?

Однако, рассудив, что сейчас важнее всего убедиться в безопасности этой кулинарной диковины, Гу Танцзинь так и не разомкнул губ.

— А я-то думал, ты начнешь хорохориться, мол, «я мужчина, мне страх неведом», — с улыбкой поддразнил его Цзи Жунся.

Гу Танцзинь спросил в ответ:

— Если бы я, ни о чем не спросив, выдал такое, ты бы мне поверил?

Цзи Жунся вздернул подбородок:

— Хм, ни за что бы не поверил!

— Ну а теперь веришь? — снова спросил Гу Танцзинь.

На этот раз Цзи Жунся ничего не ответил, а лишь весома и крепко кивнул.

— Ложись спать, а я посижу с тобой, — Гу Танцзинь мягко коснулся плеча своего фулана. Тот весь день провел в заботах, и если сейчас не выспится, завтра ему придется несладко.

— Посидишь со мной? Боишься, что сбегу? — шутливо буркнул Цзи Жунся, но послушно улегся на место.

Гу Танцзинь прилег рядом вполоборота и бережно подоткнул край легкого одеяла:

— Угу, боюсь, что сбежишь.

— Когда ты так смотришь, у меня сон не идет, — высунул Цзи Жунся глаза из-под одеяла.

— Хорошо, я закрою глаза, — отозвался Гу Танцзинь и послушно опустил веки.

Цзи Жунся еще долго пристально разглядывал мужа. И в тот самый миг, когда Гу Танцзинь, не выдержав этого взгляда, уже собирался открыть глаза, Цзи Жунся поспешно натянул одеяло и зажмурился, притворяясь спящим.

Разомкнув веки, Гу Танцзинь увидел лишь «крепко спящего» Цзи Жунся.

Он беспомощно улыбнулся. На самом деле на душе у него было беспокойно — ведь эту нечисть нельзя было ни увидеть, ни пощупать. Просто он не хотел показывать свой страх Ся-гэру, чтобы тот не тревожился еще сильнее.

Но у Цзи Жунся душа была широкая: зная, что опасность ему не грозит, да еще и под защитой мужа, он на удивление быстро задышал ровно и погрузился в сон.

А вот Гу Танцзинь так и не сомкнул глаз до самого рассвета, отчего под его глазами залегли легкие тени.

Не имея сил уснуть, он поднялся ни свет ни заря и отправился на кухню разводить огонь и кипятить воду.

Проснувшись и не обнаружив мужа рядом, Цзи Жунся не на шутку перепугался. Он наспех привел себя в порядок и кубарем вылетел из комнаты. Лишь зайдя на кухню и увидев Гу Танцзиня, он с облегчением перевел дух.

— Ты что, совсем ночью не спал? — сокрушенно вымолвил Цзи Жунся, с жалостью глядя на темные круги под его глазами.

Гу Танцзинь в душе не уставал поражаться своему маленькому фулану: столкнуться с таким чудом и так сладко, безмятежно спать всю ночь!

— Я встал пораньше и растворил тот... леденец в воде. Сейчас купим мелких рыбешек и пустим туда, — Гу Танцзинь указал на стоявший под рукой чистый, но со сколом глиняный таз.

Поскольку они занимались торговлей едой, на кухне всегда хватало старой, побитой утвари. То, что можно было починить, лудили и использовали дальше, а то, что починке не подлежало, Яо

Тяньлань выбрасывать не позволяла — все тщательно мылось и убиралось впрок. Вот сейчас такая посуда и пригодилась: даже если там яд, хорошую утварь не испортят.

— Ого, и правда фруктами пахнет! И как только такую сладость делают? — стоя у дверей, Цзи Жунся пошевелил носом. Его глаза радостно блеснули, он в несколько шагов подскочил к тазу и, наклонившись, вдохнул аромат бледно-оранжевой воды.

Пахло на редкость приятно.

— Я едва улавливаю этот запах, ну и чутье у тебя, — отозвался Гу Танцзинь. Он-то чувствовал аромат лишь слегка, а Ся-гэр почуял его, едва переступив порог кухни.

— И как здорово ты придумал — растворить в воде для пробы! А я-то еще голову ломал, как леденцами рыбу кормить, — весело зашептал Цзи Жунся, придвигаясь ближе. — Я этот сверток пока припрятал в сундук у нашего изголовья. Если окажется, что карамель безвредна, давай станем делать из нее фруктовые напитки? Сейчас как раз дешевых плодов вдоволь. Будем толочь их в сок, добавлять эту сладкую воду, а гости станут пить да нахваливать густой фруктовый аромат. Что скажешь?

— Раз так, лучше продавать их по утрам по одной-две монеты, совсем за бесценок, ради привлечения людского потока и доброй славы. В обычные часы работы рестораника этот напиток подавать не стоит. Запасы сладостей не вечны, и если продавать их направо и налево целый день, этот кулек быстро иссякнет, — мягко наводя на мысль, предложил Гу Танцзинь.

— Ой, знаю я тебя! Ты небось опять думаешь, что раз это моя личная вещь, то нельзя ее пускать на общие нужды ресторана, иначе потом счета не сведешь, и я в убытке останусь, так ведь?! — Цзи Жунся лукаво склонил голову, сразу раскусив замысел мужа. Его-то ум крутился как надо!

— И ничего-то от тебя не утаишь, — Гу Танцзинь почтительно сложил руки в поклоне. — Прошу у фулана прощения за мою приземленность.

Цзи Жунся прыснул со смеху:

— Ладно-ладно, пускай будет по-твоему.

— Так оно правильное всего будет. К тому же отец с матушкой как раз дозволили нам самим утренней торговлей заняться. Станем говорить людям, будто я через связи в столице префектуры разузнал дорожку и смог раздобыть диковинный товар. Все эти припасы пустишь строго на утренние дела.

Цзи Жунся молча слушал, как Гу Танцзинь степенно и складно раскладывает все по полочкам, и на сердце у него становилось невыразимо тепло.

«М-да, а сегодня муж кажется еще краше, чем вчера».

— Хорошо, — кротко кивнул Цзи Жунся. Раз Гу Танцзинь так печется о нем и обо всем заботится, как он мог отказать?

— А как заработаем серебра, так вместе порадуем сыновним почтением родителей с обеих сторон, — Цзи Жунся подхватил руку мужа и ласково покачал ее.

Уговорившись, молодые супруги со спокойной душой принялись приводить в порядок двор.

Покупка воды, прием припасов, огородные хлопоты, готовка... Сегодня еще нужно было строго-настрого наказать поставщикам, чтобы завтра доставили побольше овощей и мяса для утренней торговли.

Вскоре подоспел и рыбак Ван с ежедневным уловом для нужд ресторанчика. Поскольку уезд Цинчи раскинулся у самой реки Цинчи, торговцев речной рыбой здесь хватало. Рыбак Ван был мужиком сметливым и вел дела честно — к основному заказу он всегда докидывал охапку мелкой свежей рыбешки в качестве бесплатного довеска. Услышав от Гу Танцзиня, что им надобно немного мелочи для похлебки, Ван за символическую плату и с учетом довеска отвалил им добрую гору рыбы.

С мелкой рыбешкой возиться — одна морока. Пусть в ухе или в жареном виде она и объединение, но чистить её — уйма времени уйдет. В ресторанчике рук не хватало, да и летний зной стоял, так что тратить силы на подобные мелочи в обычные дни никто бы не стал. Рыбак Ван решил, что молодые просто хотят побаловать себя домашней стряпней — хоть возиться и долго, но все же рыба, к столу отличное угощение.

Проводив гостя, Цзи Жунся первым делом кинулся выпускать еще живую, бьющуюся хвостами рыбешку в надколотый глиняный таз.

— В сладкой воде рыба долго не протянет, но если они сразу брюхом кверху не всплывут, то следом мы напоим этой водицей петуха. Если и с ним ничего не сделается, тогда и сами отведаем, — с азартом приговаривал Цзи Жунся, не отрывая глаз от таза.

Рыбешки не всплыли, а весело принялись плавать кругами в ароматной воде.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь переглянулись и без лишних слов, понимая друг друга с полувзгляда, разошлись: один ловить птицу, другой — наливать сладкую воду в бамбуковый стаканчик.

Гу Танцзинь ловко влил петуху в клюв добрую половину стаканчика.

Супруги замерли в ожидании, но петух как ни в чем не бывало продолжал топтаться на месте, не выказывая ни малейшего беспокойства.

— Теперь моя очередь пробовать, — Цзи Жунся оказался расторопнее: пока Гу Танцзинь не успел опомниться, он потянулся было к недопитой чарке, но Гу Танцзинь лишь беспомощно разжал ладонь и сам закинул в рот бледно-зеленый леденец!

Цзи Жунся обомлел: «!!!»

— А ну выплюнь сейчас же! Это еще я, по-твоему, бесстрашный? Да у тебя у самого отваги побольше моего будет!!! Хлебнул бы каплю воды для пробы, зачем же ты саму конфету целиком проглотил?! — Цзи Жунся в панике вцепился в рукав мужа, бледнея от страха.

Гу Танцзинь мягко улыбнулся:

— Все в порядке. Сладость и впрямь отменная, похоже, та привязавшаяся к тебе штукovina действительно из высших сфер явилась.

Вкус у карамели был чистым, медово-сладким, с густым ароматом плодов, сорт которых он никак не мог определить. Эти леденцы были стократ вкуснее любого сахара, что продавали в столице префектуры.

— Ох, у меня чуть сердце из груди не выскочило, — Цзи Жунся прижал руку к сердцу и сердито посмотрел на мужа.

Гу Танцзинь с улыбкой извлек из широкого рукава еще один леденец и аккуратно развернул прозрачную обертку. Тщательно спрятав чудную бумажку обратно в рукав, он поднес бледно-оранжевую конфету к самым губам Цзи Жунся:

— Полно тебе сердиться, отведай-ка скорее.

Цзи Жунся вовсе не злился, просто испугался за него. Наклонив голову, он послушно поймал губами леденец.

Его глаза тут же счастливо округлились:

— Со вкусом апельсина! Какая вкуснотища!

—

<http://bllate.org/book/17885/1712279>